ЧУДО С «ИСТОРИЕЙ» ПЛИНИЯ

Сколько лет, да нет – столетий: пять столетий и больше дарю людям возможность радоваться мудрости великого Гая Секунда Плиния Старшего, делюсь, благодетельствую. Меня благодарят, гладят, берегут, отсылают ко мне как к ответственному хранителю истины и мудрости. Ко мне обращались властители судеб и сумасшедшие монахи, наследники престолов и папские нунции, меня воровали и дарили, я была свидетелем бурь и пожаров, войн и революций и даже всемирных катастроф. За пять столетий я поменяла в качестве местопребывания немало замков и дворцов, дубовых шкафов в высоких кабинетах и пыльных стеллажей в заброшенных сараях – все перипетии моей судьбы невозможно перечислить в один присест, и ни разу мне не хотелось добавить ни слова к тем мудрым мыслям, которые я храню. А впрочем, и возможности не было.

Обратиться к печатному слову, которое заложено во мне так давно, как мало в ком на свете, заставило меня слегка переполнявшее уже изрядное время, но жарко вспыхнувшее лишь недавно желание разыскать сподвижников. Эти сподвижники или соучастники должны, по моим представлениям, разделить мои радость и восторг по поводу случившегося события; его трудно было бы вообразить даже с больной головой – такое бывает только наяву.

Когда в течение нескольких столетий, а это не важно – одного, двух, трёх, – всё равно долго! Так вот – когда долго живёшь на одном месте, прикипаешь к нему и начинает казаться, что все предметы вокруг родные: и книги, и посуда, и люди, и окна, и вид из окна. А книжный шкаф – так это вовсе твой родной дом.

Жизнь у такой рядовой в наше время безделицы, как книга, не вечна, а точнее – конечна. Хотя, безусловно, эта сентенция и не должна иметь отношения к таким артефактам, как я.

А я, как и полторы сотни таких же горемык, томящихся в специальных коробах, – мы уже не рассчитывали на благоприятный исход в своей судьбе, когда были брошены, а точнее, просто кем-то потеряны в опломбированном почтовом вагоне на богом забытом полустанке со сказочным названием Толоконцево. Кроме этого десятка коробок с уникальными изданиями, такими, что могут лишь присниться хранителям крупнейших библиотек мира: инкунабулами, эльзевирами и альдинами в кожаных и сафьяновых, марокеновых и пергаментных переплётах, в вагоне были забыты ещё тридцать ящиков с охотничьими ружьями самых-пресамых великих мастеров. Перде, Холланд-Холланд, Ланкастер, Антон Лебеда – эти звуки пьянят слух охотников-коллекционеров всего мира; всё оружие было старательно упаковано в специально сшитые чехлы и заколочено в ящики из бакелитовой влагостойкой фанеры.

Кто их отправлял, эти сокровища, в 1945 году из поверженной и зализывающей раны Европы и кому они предназначались в заволжских лесных краях – не важно. Хотя когда-нибудь для публики будет обнародовано имя спасителя и озвучено будет имя того, кто сохранил для будущих поколений эти реликвии – какой-нибудь капитан Егоров или сержант Бубликов. А нам, обитателям этих коробок и ящиков, хотя и любопытно, но неизвестно, кто планировал стать хозяином вроде бы обычных военных трофеев, да только не получилось. Никто уже не мог получить по документам свои ценности и разгрузить вагон на маленьком заволжском, таёжном полустанке Толоконцево. А потому и стоял он бесхозный, загнанный в коротенький тупичок, начиная быстро ржаветь и гнить, скрытый под огромными лапами вековых сосен.

Если бы не мальчишки…

Конечно, мальчишки спасли все эти богатства.

Как это всегда у мальчишек бывает: давай проверим? давай посмотрим? а может, нам это надо? И вот уже через пару недель во всех деревнях округи все мужики, что на зверовый промысел в лес ходят, стали обладателями лучших в мире охотничьих ружей, да таких, что «Зауэр три кольца» с оптическим прицелом с просветлённой оптикой считался чем-то не больно уж и раритетным. Я про всё это узнала уже позже, когда успокоилась на своем новом месте в областной научной библиотеке, в отделе рукописей и редких книг.

Наш отдел тогда посещали только избранные читатели, и такого здесь иной раз наслушаешься, что лучше бы и не слышать. А у наших академиков и писателей, хирургов и художников только охотничьи интересы и пересекаются – так я и проведала про этот секрет с пропавшими ружьями из нашего вагона. По разговорам, было всё это оружие частью коллекции Геринга. Хотя, по-моему, почти все замки по всей Европе к определённому времени были записаны на Геринга, чтобы на этот счёт даже не задумываться. А заодно и всё, что было в замках, на него было переписано: картины, книги, посуда, серебро, бронза, мебель, коллекции, собаки, лошади – всё на Геринга!

Но вот если коллекцию охотничьих ружей ждала печальная судьба – ну что такое оказаться в руках деревенских охотников-промысловиков? Это как гвозди заколачивать логарифмической линейкой! Нам, книгам, повезло в этом плане куда больше – повезло тем, что самый любопытный мальчишка, раздраконивший первую коробку с европейскими ин-

кунабулами и вытащивший оттуда меня, пухленький томик с латинской надписью на титуле, выведенной извилистой нечитаемой готической вязью: «Естественная история Плиния Старшего», изданный в Венеции в 1499 году, обладал настоящей мальчишьей фантазией. Не только мой, цвета слоновой кости, матовый пергаментный переплёт ввел в трепет юного похитителя книг, заставив отнести завораживающий раритет к своему школьному учителю, но и та же самая фантазия его сразу занесла в далёкое Средневековье, откуда и действительно была я родом. А если ещё прибавить, что для мальчишки возможные разгадки рыцарских дворцовых интриг таятся под моими крышками... Понятно, что учитель истории мог стать проводником в мир средневековой Европы для любопытного мальчика.

Нас спасали в декабре, когда мороз уже сковал реки и озёра. Несколько сотен коллекционных стволов, побывавших на многих королевских охотах, а может, и побывав в руках самого рейхсмаршала Геринга, моментально разбежались по окрестным заволжским деревням и были до поры до времени старательно припрятаны местными мужиками в маленьких баньках, занесённых по самые крыши сугробами. А вот десять коробок с эльзевирами, альдинами и прочими книжными раритетами из венгерского городка Шарошпатак, из библиотеки местного замка, служившего в течение столетий родовым гнездом князей Ракоци, владетельных правителей Венгрии, были аккуратно уложены на сани и конной тягой отправлены в центр, в областную научную библиотеку. Это было действительно спасение: ведь не только для картин или для мебели страшны перепады температур и повышенная влажность – перезимовать в вагоне, в лесу, посреди болот, было бы гибелью для такой коллекции, частью которой являлась и я.

Мы, исторические артефакты с возрастом не в одну сотню лет, очень чувствительны к окружающей ауре. Потому, пока мы несколько месяцев находились в вагоне, нам была неясна дальнейшая судьба: либо влажность, грибок и гибель, либо нас спасают. Спасли! И наконец-то появилась надежда на будущее, потому что книгохранилище наше новое располагалось в корпусе, которому, судя по витающим в нём флюидам, тоже было немало лет. И в течение последних ста лет в этих стенах не в карты играли и не шампанское пили, а размышляли о будущем человечества: композитор Милий Балакирев и историк Бестужев-Рюмин, философ Герман Лопатин и поэт Анатолий Мариенгоф. Да мало ли их, замечательных людей, побывало в этих стенах, а благородные мысли в серьёзных количествах иногда определённым образом материализуются и всегда ощущаются долгожителями.

Мы с подругами, книгами из венгерского вагона, расположились в четырёх книжных шкафах, и пусть соседи и соседки наши были в большинстве своем на церковнославянском языке, но тоже порядочные старухи, хотя и не ровня мне; и они были уверены в своем будущем, а тем успокаивали нас. Было понятно, что мы попали в депозитарий и отсюда нас уже вряд ли кто-то выковырнет.

Больше всего меня беспокоило в последние полгода, с тех пор как мы расстались с замком Шарошпатак и находились в безвестности в опломбированном вагоне, то, что рядом со мной нет практически моей родной сестры, книги «Комедий» Аристофана, изданной и напечатанной великим Альдом Мануцием в той же Венеции, но на год раньше меня, в 1498-м. Что нас роднило? Нет, не тексты – тут родства не было и в помине, а то, что переплетали нас в одной мастерской и один мастер,

но средневековые мастера часто оставались анонимами. Это я его помню, да, может, ещё пара-тройка таких же престарелых дам, как я – и его мозолистые подагрические пальцы, и кленовый верстак, и массивный, уютный пресс. Мастер готовил мой переплёт на века и не ошибся!

Пергамент, в который меня обернул переплётчик, был выделан из кожи телёнка и стоил немалых денег. И всё же это копейки, если представить, что до того, как книги начали печатать на бумаге, их переписывали вручную и на изготовление только материала для одной такой уники уходило до ста телячьих шкур, выделанных до белизны. Выделывали пергамент и из кож овец, и из козьих кож – только из ослиных шкур не получался подходящий пергамент. Может, потому из средневековья и тянется примета, что осёл и книжная мудрость вещи несовместимые.

Так вот, мастер переплетал нас двоих: меня и книгу «Комедий». И судьба нас очень редко и очень ненадолго разводила за эти почти четыре с лишним века. Мы не то что сроднились с ней – мы почти срослись, и очень неуютно чувствовала я себя, когда кто-то снимал эту книгу Аристофана с полки: холодно становилось и одиноко. Хотя таких случаев, помнится мне, было не больше, чем с десяток раз, а за последние двести лет и ни разу. И, если каждый из этих случаев достоин отдельного рассказа, то про один из них я всё же упомяну.

Самый знаменитый европейский авантюрист и проходимец Сен-Жермен имел несчастье явиться на белый свет в нашем замечательном и удивительном замке Шарошпатак. И если про матушку его никто и никогда не вспоминал, то вполне возможно, что его реальным физиологическим отцом был великий князь Ракоци-второй. По крайней мере, он такой заботой окружил мальчика, что грех было бы кому-то попенять на невнимание к нему. Мальчик воспитывался как наследник самого высокого и значительного дома Европы, и никаких претензий к учителям его не могло быть даже в помине. Мальчик не только был, как и любой дворянин эпохи, обучен придворным манерам, но и фехтованию, выездке, охотничьим хитростям; в совершенстве он овладел и всеми европейскими языками, и арабским. Вот кто стал главным читателем библиотеки замка Шарошпатак, и он, безусловно, был гениальным мальчиком, что и подтвердилось в будущем. Я хорошо помню его тонкие и ласковые пальчики.

Однако в десятилетнем возрасте по неведомым мне причинам был он отдан на воспитание и попечение в дом герцога Джованни ди Медичи во Флоренцию с потерей имени и титула. Всё, что позволено ему было с собой взять, это часть книг из любимой его замковой библиотеки. Так сто томов, а в том числе и я, и другие древние римляне и греки, были сняты с полок и старательно упакованы и подготовлены к отправке. Но что-то в планах необъяснимое произошло, и спустя месяц мы вновь оказались на старом месте, на родных стеллажах. Да, может, оно и к лучшему: путешествия не идут на пользу великим артефактам.

Пока в фанерных ящиках мы колесили по Европе, пока в ржавом вагоне нас прятали в тиши сосновых заволжских лесов, у меня ещё теплилась какая-то надежда – что моя родная, почти единоутробная (переплёты-то у нас из одного телёнка!) найдётся в каком-нибудь другом, таком же заблудившемся вагоне и встанем мы снова с ней бок о бок.

И жизненный опыт мне такую надежду подавал.

Мне хочется забыть, как два писателя привели к нам однажды в хранилище человека с фамилией Ракоци, так мне послышалось, но это был

Матиас Ракоши; а я всё равно подумала, что он – наследник великих князей, истинных моих хозяев. Но нет – хотя этот человек и был некоторое время диктатором и хозяином Венгрии, а тут, в этом русском провинциальном городе, находился в заслуженной ссылке. Он брезгливо рассмотрел корешки переплётов, но даже не попросил открыть книжный шкаф. Да и фамилия его настоящая оказалась на самом деле не Ракоши, а совсем другая – и не выговоришь. Он и фамилию-то эту звонкую, которую знала когда-то вся Европа, присвоил.

Я не буду в подробностях описывать, как один из руководителей депозитария однажды распорядился составить список трёхсот наиболее ценных изданий, хранящихся в библиотеке, и я была в этом списке, а цель… Цель была очевидна! После произошедшего у них в стране переворота легко осваивалось общенародное добро. Но старая-старая старуха, которая, как и многие другие старухи на свете, верила в справедливость и светлое будущее (её все сотрудники уже бабой Надей звали), набралась смелости и лично отправилась к представителю самого главного органа безопасности страны, который мог решить все проблемы, и этого временного директора библиотеки убрали.

Был и прорыв отопления, когда чуть не погибли в подвале офорты великого Рембрандта, но нас это не коснулось. Были и крысы, которым, слава богу, – не удалось попасть в наш дубовый, особо охраняемый шкаф.

А потом произошло то, во что трудно поверить: нас всех, всю коллекцию, почти полторы сотни томов, по списку упаковали, да так старательно, как детей новорожденных пеленают, и отправили в Венгрию, в наш родной замок Шарошпатак. Кто и с кем договаривался об этом возврате – не знаю. Кто, и кому, и какие деньги заплатил – не знаю. С кем и когда там президенты шампанское пили, и кому и какие ордена и медали вручали, и что они обещали друг другу – не знаю. Правда, здание библиотеки, в котором мы полвека прожили, подлаталось неплохо на том возврате; и реконструкцию, и переоборудование полное провели в нем.

А вот в замок мы уже не попали, а разместили нас в национальном депозитарии, где и положено нам по статусу современному находиться. Только не к тому я всю эту историю рассказываю. Просто моё место в шкафу на полке оказалось, как никто не мог бы никогда и предвидеть, рядом с сестрой моей, древней альдиной, венецианским изданием «Комедий» Аристофана 1498 года. Как же этот капитан Егоров или сержант Бубликов (не знаю!) по небрежности выронил из рук одну эту книжечку да и запихнул её сапогом злобно под шкаф, где она и провалялась чуть ли не с год, пока её не вытащили оттуда и не определили на должное место!

Как мы с ней обнимались и целовались, если фигурально выражаться, по-человечески. И вспоминаем мы с ней теперь вместе лишь детство наше: в старости детство положено вспоминать.

Так вот – чудеса не только в сказках случаются.

АРИФМЕТИКА

Иван Спиридонович Стулов был человеком непростым – ох, не прост человек любой. Торговал Стулов на радиорынке, торговал он книгами, и звали его там все просто Сутулый: по фамилии, скорее всего, потому что сам-то он нормальный был, не гнулся. Причин, которые выдергивали его каждый день из дома и вели прямиком на рынок, было несколько. Во-первых, конечно, «обчество», как они сами себя называют, персоны, торгующие на этом самом радиорынке: и поделиться невзгодами тут можно, когда все друг друга знают, и обсосать новости городские, и посоветоваться в юридическом или экономическом плане с людьми опытными. Во-вторых, конечно, прибавка к пенсии, пусть и небольшая, но ведь и прожить на простую пенсию теперь непросто, если дети не помогают, а детей и внуков у Стулова уже давно не осталось поблизости, и никого уже не осталось. Было и в-третьих, но не любил Стулов про это «в-третьих» думать, очень боялся он всерьёз озаботиться.

А боялся Сутулов Иван Спиридонович озаботиться судьбой Женьки-солдата, который вот уже с год как прилип к нему и не отходит от него буквально ни на шаг, и ведь это почти каждый день. Женька-солдат, а фамилия его Бунтов, парень и хороший, и добрый, и услужливый – хотя это он для Стулова парень, а вообще-то он уже армию отслужил, хотя и не до конца: комиссовали его после того, как на учениях гранатомёт почти над ухом у него взорвался. С тех пор глаз у него один косит, и голова иногда дёргается, а иной раз и с рукой правой непорядок – тянет её куда-то в сторону. Вот этот Женька-солдат каждый день помогает ему и книжки на столике разложить, и после торговли до дому их дотащить, а если надо куда-то ненадолго от рабочего места отлучиться, то он и постоять за Ивана Спиридоновича и постеречь книжки может. Живет Женька-солдат в детском саду, точнее в кочегарке при нем, ибо работает он ночным сторожем в этом учреждении и одновременно дворником ещё. Там, в детском саду, прямо и ночует: то в кочегарке на столе, то у директора в кабинете на диване. Женька не пьет, не курит, и это хорошо, а вот то, что он жениться не собирается и к женскому полу относится просто с отвращением, это волнует Стулова. С другой стороны, чего волноваться – миллионы нормальных мужиков на свете не охваченными женским полом живут. Ну, и кроме этого недостатка, было в Женьке ещё что-то ущербное. Правда, одевается Женька поприличнее Стулова: Стулов-то сам всегда в шобонье каком-то затрапезном, старом да с чужого плеча, а иной раз и заштопанном. Женька-солдат и зимой, и летом в берцах спецназовских, в тельняшке, в бушлате матросском новом, а на голове или шапочка вязаная, или пилотка со звёздочкой – в общем, понятно, что «солдат».

Книжники на радиорынке целый ряд занимают, торгуют: у кого – детективы с фантастикой из мусорных ящиков да из вторсырья, у друго-

го – всяческие справочники по ремонту автомобилей и телевизоров, у третьего – брошюрки по медицине. У Ивана Спиридоновича – детские книжки. Это ходовой товар – «Конька-горбунка» да стихи Маршака с рисунками Лебедева всегда покупать будут. Каждой мамаше кажется, что в её детстве книжки были в сто раз лучше и интереснее, чем те, что в магазинах нынче продают, или те, которые какому-нибудь там Александру Блоку ещё маленькому сто лет назад читали. Вот и ищет эта мамаша для своего деточки ту книжку с теми картинками, которая была у неё у самой когда-то давным-давно. А у кого такую книжку найти, кроме как у Ивана Спиридоновича! То, что Иван Спиридонович сам в затрапезном и неухоженном виде всегда на рынке стоит, в зачёт не идёт, и покупатель к нему подходить не побрезгует; зато книжечки у него всегда на подбор: и сохранность уникальная и издание такое, что лучше нет, и историю про эту книгу расскажет.

Но был у Ивана Спиридоновича и ещё один тайный бизнес.

Это сейчас ему восемьдесят, а пятьдесят лет назад был он преподавателем в педагогическом институте, науки общественные студентам преподавал. Бес попутал – подписал он когда-то коллективное письмо вместе с глупыми студентами «Руки прочь от Чехословакии», где требовал от правительства Советского Союза вывести танки из оккупированной Праги. Студентов-то из института повыгоняли, а Стулова вызвали куда следует и объяснили там в кабинете очень даже громко и вслух (а официально – вроде как негласно), что учить детей он больше никогда и нигде не будет, велели сидеть ниже травы и тише воды, потому что предупреждений ему тоже больше не будет, а будет наказание. Слава богу, разрешили ему киоскером работать от книжного магазина «Знание», и стал он книгами торговать в вестибюле родного пединститута.

А вот уважение к себе в определённых кругах этой историей он заработал: официальный статус его упал до предела, а социальный – ой как вырос. Около его киоска можно было теперь постоянно видеть доцентов, профессоров, которые не только книжки покупали, но и разные умные беседы беседовали. Вот отсюда-то и зародился отдельный тайный бизнес Ивана Спиридоновича – вхож он стал в «сталинские», большущие по тем советским временам, квартиры старой городской профессуры с их богатыми профессорскими библиотеками.

Без зазрения совести мог теперь Иван Спиридонович попросить у какого-нибудь доцента или декана продать ему сборник «Вехи» со статьями Бердяева и Булгакова или рукописную старообрядческую книгу семнадцатого века. Нимб страдальца и диссидента следовал за Стуловым по пятам много лет, и, желая приобщиться к свободомыслию, многие симпатизировали ему. Хотя почему и не симпатизировать – человек он был и порядочный и интересный.

Но вот то, что у Ивана Спиридоновича были не только высокообразованные знакомые с библиотеками, собиравшимися не одно поколение, но и клиенты, продолжавшие собирать библиотеки с уникальными изданиями, в городе мало кто ведал. И был одним из таких клиентов киоскёра Стулова Болеслав Сергеевич Чихир из Донецка, человек тоже замечательной судьбы. Замечательна она была тем, что умудрился он когда-то в тридцать пять лет стать заместителем областного управления торговли. В конце семидесятых, когда проводилась кампания по борьбе с экономическими преступлениями, он честно получил свои семь лет лагерей, но как-то хитро сумел отсидеть только два, сохранив при этом и друзей, и связи, и накопления.

Дочка Чихира училась в том же пединституте, где в качестве киоскера работал Стулов. Почему она так далеко забралась на учёбу от родного Донецка, непонятно, только заезжал батька родной её навещать очень даже регулярно. И познакомился бывший ответственный работник советской торговли с киоскёром Стуловым и сдружился, потому как интерес у них оказался обоюдным: у киоскёра было изрядное количество редких изданий, а Чихир не мелочился и, когда платил, не стеснялся – собирал он петровские издания, то есть первые русские книги гражданской печати, начиная с замечательной «Землеметрии». Конечно, он с удовольствием покупал и книги на церковнославянском языке, но только более ранние и желательно иллюстрированные. Так, сначала Стулов продал Болеславу Сергеевичу рукописный Апокалипсис семнадцатого века с сотней замечательных акварельных рисунков на отдельных листах в тексте, а потом и первое издание «Грамматики» Мелетия Смотрицкого, обе книжки удалось Ивану Спиридоновичу выкупить у вдовы профессора Волжского. Когда нужда подпирала, она сама приходила к киоскеру в институт и просила зайти в гости на чай. Стулов шел и покупал.

Но всегда помнил Стулов, хотя и не заикался из осторожности, то, что где-то в шкафу у покойного профессора Волжского хранится уникальный экземпляр «Арифметики» Леонтия Магницкого 1703 года издания, да ещё с пометками и примечаниями автора. Кто такой Магницкий, рассказывать – время немалое и особое надо: любимчик Петра Первого, предтеча Ломоносова, сам обучился грамоте и математике, а сколько слов нужных он придумал и ввел в русский язык: дроби, делители, множители и так далее, целый словарь! И если саму первую «Арифметику» ещё можно посмотреть и полистать в какой-нибудь солидной библиотеке, то разобраться, что там замечательный русский математик, обласканный царём-реформатором, на полях книжки своей нацарапал, было бы интересно. Интересно самому эти каракули разобрать.

Рассказал Стулов про вдову и про «Арифметику» Магницкого клиенту своему из Донецка совершенно не подумавши: так, болтали о чем-то постороннем, а он и ляпнул про унику, что хранится в доме у вдовы профессора Волжского. А через три часа тот купец донецкий с аккуратно упакованной книгою уже стоял в вестибюле института рядом с киоскёром и как ни в чём не бывало, совсем по-детски и даже по-идиотски улыбался.

– Купил! – сказал Чихир.

– Чего купил? – спросил Стулов.

– Магницкого купил.

– Как купил?

– Да так – пошел и купил. Вы же мне подсказали. Спасибо.

– В смысле? Чего я подсказал? Какое спасибо?

– Ну, спасибо – это я так. Я вам, конечно, заплачу – не обижу. Вы же меня знаете. Всё равно вы же эту книгу для меня хотели приобрести. Так что же время терять. А вы свой процент получите – не волнуйтесь!

– Вы, Болеслав Сергеевич, думаете, что мне, кроме как процента и денег, ничего не интересно и не надо в мире? Так вот, вы ошибаетесь. Это как самому выловить рыбку к столу или в магазине мороженую купить. Существует процесс, а есть и результат. Вот вам результат важен, а мне процесс. А вы всё перепутали и испортили.

– Да ничего я не испортил, сейчас денежки получите и успокоитесь.

– Да, денежки получу, а вот успокоюсь ли – не уверен.

– Да что же за канитель такая, Иван Спиридонович? Я же ничего ни у кого не украл!

– Такая простота хуже воровства! Или вы вообще уже ничего не понимаете?

Расстались сердито: Стулов деньги взял, а руку Болеславу Сергеевичу не пожал. Тридцать лет прошло с той поры, а вот всё тянет там, изнутри, Ивана Спиридоновича какая-то неудовлетворенность, тридцать лет печалит его тот случай. Приезжал к нему тот Чихир где-то через пару месяцев после случая с «Арифметикой», да только не стал Стулов с ним общаться – так и сошла дружба их на нет.

Женька-солдат любил книги. Он любил их по-особому: не читать он их любил, не дома, которого у него не было, по полкам и шкафам расставлять, как многие, а любил он узнавать всё любопытное и интересное, что рядом с книгами случалось. И интересовало его всё про писателей и про издателей, про переплёты и про бумагу, и хотя и не знал он такого слова, как артефакт, но относился к книге как к произведению искусства. Беря в руки книжку, он сразу обращал внимание на шрифты, поля, колонтитулы, форзацы – по этим элементам он определял качество книги, а текст – он и в другом издании будет тем же текстом.

Откуда такое особенное отношение к книгам взялось у Женьки-солдата, не понимал Стулов, но и спрашивать у него про детство и про родителей не отваживался. Хотя именно на этой книжной теме и сошлись они, и сдружились. Знал про книги Стулов Иван Спиридонович много чего интересного, и прикипал Женька-солдат к старику, развесив уши и открыв рот. Второй год они вот так уже дружат: Стулов за столом с разложенными книжками сидит, а Бунтов – на пустом ящике рядом.

Иван Спиридонович педагогический опыт имел, и излагал он для Женьки с любовью свои лекции, как их сам называл. У таких спонтанных лекций могли быть совершенно странные темы: и как резались граверные доски на меди или на кипарисе, или как фальшивые футуристические альманахи вроде «Утиного гнёздышка» или «Пощёчины общественному вкусу» в Америке печатали, или про то, как автографы великих писателей и других замечательных деятелей подделываются, или чем сафьяновые переплёты отличаются от марокеновых. Да что там – много чего любопытного знал Стулов.

Однажды рассказывал Иван Спиридонович Женьке про реформу русского языка, которую провёл Петр Первый, и как новый гражданский шрифт ввёл, и как первые русские гражданские литеры отливали для него в Голландии, и как первые книжки новыми шрифтами печатались. А когда он стал Женьке уже отдельно про «Арифметику» Леонтия Магницкого говорить, про первое издание с авторскими правками, и про то, как он не смог её купить, чтобы самому полистать да почитать, что там на полях наш первый математик написал, а купил её некий торгаш из Донецка, – Женька вдруг напрягся.

– Иван Спиридонович, а вот не говорил я тебе – а ведь я сам из Донецка!

– Как из Донецка? А здесь у нас чего же ты делаешь?

– Девушка у меня здесь жила, то есть живёт, но она уже как бы и не моя. До армии мы с ней дружили, потом переписывались, а два года назад, когда комиссовали, к ней я приехал, а она уже замуж вышла к тому времени, а сейчас уже и колясочку возит. Что я ей жизнь-то буду портить, под ногами мешаться да напоминать о себе – не хочу. Как раз хотел тебе сказать, что на Донбасс я уезжаю, бабушка у меня там живёт,

вон ведь какая каша там заварилась, надо помогать. Может, и повоюю ещё. Я ведь в армии-то не писарем при штабе был – кое-что умею как солдат. Поговорил тут с журналистом одним, который уже побывал в Донецке в этом году и снова туда собирается. Надо ехать. Так что не поминай меня лихом и спасибо за интересные беседы.

Пожалел Иван Спиридонович первый раз в жизни о том, что нет у него ни мобильного телефона, ни компьютера, когда к нему поздно вечером, спустя пару месяцев после отъезда Женьки, явился незнакомец – молодой парень, вежливый, только что не побритый, и в комнату отказался проходить

– Я на минутку. Меня Игорь Грач зовут, я – журналист. Я от Евгения Бунтова – знаете такого?

– Конечно, знаю, Женьку-солдата.

– Он сказал, что у вас нет ни мобильного телефона, ни компьютера.

– Да вот – нету!

– Как же вы живёте-то?

– Да вот так и живу – не хуже других. Не тяни ты – чего там с Женькой?

– С Женькой всё в порядке, раненый он, и не больно сильно, в госпитале лежит, выкарабкается. Через недельку, пожалуй, ходить будет. Просил он вам пару слов передать, очень просил.

– Какие такие два слова?

– Прямо как в детективе про шпионов. Он велел сказать вам так: «Я её нашел, как дважды два! Она у меня!»

– Господи! Вот ведь сумасшедший Женька наш. Войдешь ли, Игорь, хоть чайку попить?

– Нет, нет – я побежал. Мне пора!